

4. Глуховский, Д. А. Текст. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 320 с.
5. Ромодановская, Е. К. Сюжетный комплекс «переодевание» и мотив потери одежды в повестях о гордом царе / Е. К. Ромодановская // Критика и семиотика. – Вып. 14. – Новосибирск, 2010. – С. 29–35.
6. Рымарь, Н. Т. Поэтика романа / Н.Т. Рымарь. – Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. – 257 с.
7. Илья. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BB%D1%8C%D1%8F> – Дата доступа : 10. 11. 2022.
8. Хазин. – Режим доступа: <https://imena-znachenie.ru/familii/hazin.html?ysclid=lc1yc3s1qg596450745> – Дата доступа: 10.11.2022.
9. Хаза. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%85%D0%B0%D0%B7%D0%B0> – Дата доступа: 10.11.2022.
10. Нина. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%BD%D0%B0> – Дата доступа: 10.11.2022.

Ю. А. Афанасьева,

магистрант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

***Аннотация.** Цель данной статьи – сопоставление готических конвенций в афроамериканской и белорусской литературах. Рассматриваются основные элементы оригинальной английской готики, определяется сходство исследуемого культурного феномена с мифом. Адаптация жанра частична в обеих национальных литературах : обозначены изменения в хронотопе, специфика апелляции к национальной истории, характеристики главных героев.*

***Ключевые слова:** афроамериканская литература; белорусская литература; готика; Другой; миф; травма.*

Y. A. Afanaseva,

Master Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

REFRACTION OF THE GOTHIC TRADITION IN AFRICAN-AMERICAN AND BELARUSIAN LITERATURE

***Abstract.** The purpose of this article is to compare the Gothic conventions in African–American and Belarusian literature. The main elements of the original English Gothic are considered, the similarity of the studied cultural phenomenon with the myth is determined. The adaptation of the genre is partial in both national literatures : the changes in the chronotope, the specifics of the appeal to the national history, the characteristics of the main characters are indicated.*

***Key words:** African-American literature; Belarusian literature; Gothic, myth; the Other; trauma.*

В современном литературоведении готика зарекомендовала себя в качестве популярного художественного медиума, способного адаптироваться в разных национальных литературах, оперируя универсальными жанровыми конвенциями. Возникшая как реакция на кризис просветительской эстетики и

литературы, волнения Великой французской революции, готическая литература предстаёт, в понимании Г. В. Заломкиной, в качестве мифа, особого способа концепирования реальности, исходящего из убеждённости в иррациональности мира и обладающего соответствующими характеристиками (категории фантастического и страшного, мотивно-тематические комплексы, задействование игровых стратегий, акцента на роли текста как феномена, визуальности) [1]. По мнению Б. Р. Нацпок, истоками литературной готики, развивающейся во второй половине XVIII в., служат фольклорные и эпические памятники британской словесности (англосаксонский эпос «Беовульф» (*Beowulf*), фантастические англо-шотландские баллады), трагедии У. Шекспира (*William Shakespeare, 1564 – 1616*) «Гамлет» (*The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark, 1601*) и «Макбет» (*Macbeth, 1606*), дающие основу готическим константам ужасного и сверхъестественного [2]. Готика как жанр формируется с публикацией повести Г. Уолпола (*Horace Walpole, 1717 – 1797*) «Замок Отранто» (*The Castle of Otranto, 1764*), во втором издании обозначенной как «готическая история» (англ. *a Gothic Story*). В ней присутствуют основные элементы английской готики, модифицирующиеся по мере развития жанра. Специфический «готический» хронотоп (замок, убежище, монастырские руины, взаимопроникновение прошлого и настоящего) связан с двоимирием. Типология героев (готический злодей, добродетельный герой, «дама в беде», второстепенные персонажи и сверхъестественные сущности), зачастую inferнальные, гротескные образы базируются на контрасте с просветительским пониманием человека как источника *ratio*. Особую роль играет напряжённая психологическая атмосфера (иначе – атмосфера саспенса, англ. *suspence*), основанная на ощущении таинственной загадки, страха и ужаса, часто отображаемых в пейзаже. Повествовательная техника характеризуется синтезом двух типов романа – *romance* (коллизии, атрибутика, атмосфера, героический подвиг, этические проблемы) и *novel* (достоверное воспроизведение действительности), использованием разнообразных интертекстуальных стратегий (мистификации, различного рода аллюзии и реминисценции, эпитафии). Часто наблюдаются драматизация сюжета, введение мотивов тайны, загадочного происхождения, преследования, трагического рока и т. д. Для оригинальной английской готики характерно внимание к национальной специфике (оппозиция *свой – чужой* в рамках колониальной и патриархальной риторики), истории.

Универсальность готического инструментария определяет высокую степень его адаптации. Как массовая литература, готика удовлетворяет читательские ожидания, будучи доступной интеллектуально и материально. Как литература, связанная с травмой, она фиксирует последнюю в стратегиях репрезентации, указывая на историю, повлекшую переживание негативного опыта. Работая с концепциями страха, подавленными желаниями и девиантным поведением, жанровая парадигма формирует крепкую связь с психоанализом, опираясь на его концепцию сверхъестественного (*das Unheimliche*) и феномен двойничества. Готические константы актуальны и в гендерном литературоведении (исследование «женской готики» и её истоков, использования жанровых конвенций для описания угнетения женщин). Подобным образом ключевые элементы дискурса распространяются в национальных литературах. Авторитетные издания справочного характера, посвящённые готике, указывают на наличие австралийской, американской, англо-карибской, англо-канадской, афроамериканской, ирландской, немецкой, русской, уэльсской, шотландской, японской её разновидностей [3].

Различие между английской, американской, в рамках которой стоит выделять афроамериканскую, и белорусской готикой прежде всего лежит в понимании истории. Для Америки, не имеющей глубокого исторического прошлого и обладающей обширными, но незаселёнными территориями, важно существование эпистемологической границы (фронтира), где пространственное разделение между известным и неизвестным, Я и Другим приобретает временные измерения [4]. Модель исторической матрицы для американской готики строится на аллегории, «призрачной референции», необходимой для «воображения» нации. В английской литературе логическим продолжением готического романа становятся исторические романы Вальтера Скотта (*Walter Scott, 1771 – 1832*), тогда как в американской оба жанра развиваются параллельно и чаще всего взаимосвязаны между собой. Например, Н. Готорн (*Nathaniel Hawthorne, 1804 – 1864*) в предисловии к роману «Дом о семи фронтонах» (*The House of the Seven Gables, 1851*) даёт объяснение жанровой форме *romance*, которая

успешно используется как для готического, так и для исторического романа. Подобие использования этой формы в белорусской литературе замечено Т. Е. Комаровской [5]. Белорусская история достаточно глубока и разнопланова, чтобы задействовать классические элементы готического хронотопа, фольклор, и одновременно апеллировать к национальному мифу. Способы художественной обработки разнообразных переживаний социальных и природных катаклизмов в национальных литературах близки по универсальности травматического опыта, но различны по культурному ландшафту. Пространство меняется: могут быть задействованы не только старинные замки и монастыри, но и рабовладельческие усадьбы, полуразрушенные дома и т. д. Сопряжённые с историей, локальные топосы отображают фрагментированную идентичность народа, становятся местами памяти.

Афроамериканская готика формируется в связи не только с американской, но и южной готикой, сосредоточенной на отображении «призрачной» истории рабовладельческого региона. Особое внимание аутентичной литературы направлено на осмысление травматического опыта рабства, исторического контекста, в котором он был порождён, и его последствий. Основной фокус направлен на особенности взаимодействия с расовой, и гендерной политикой, идеологией: оппозиция *белое – чёрное* как *свой – чужой*, связанная с использованием категорий инаковости и гротескности, сторителлинга как терапевтической практики освобождения от травматического опыта, боязнь смешения крови (дестабилизация расовых границ). Сверхъестественное предстаёт инструментом для объяснения парадоксальности окружающего мира, сомнения в его рациональности, исследования специфики функционирования травмированной человеческой психики. Готическая матрица означает риторику белого дискурса и переосмыляет роль аутентичных историй в литературном процессе Америки. Готический элемент как таковой не привлекает внимания афроамериканских писателей вплоть до второй половины XX в. – жизнь, полная страданий и лишений, становится основой повествования, источником новых идей и сюжетов. Это подтверждает комментарий Ричарда Райта (*Richard Nathaniel Wright, 1908 – 1960*) в предисловии к роману «Сын Америки» (*Native Son, 1940*): афроамериканская реальность настолько изобилует ужасами, что им не нужны Готторн или По, чтобы изобретать новые – она сама бы их изобрела [6, р. xxxiv]. Начиная с невольничьих повествований, готический элемент в афроамериканской литературе используется для деконструкции расовых и гендерных клише, возникших в связи с опытом порабощения. Созданное Американским обществом против рабства (*American Anti-Slavery Society, 1833 – 1870*) «Повествование о Джеймсе Уильямсе, американском рабе, который в течение нескольких лет был водителем на хлопковой плантации в Алабаме» (*Narrative of James Williams, an American Slave, Who Was for Several Years a Driver on a Cotton Plantation in Alabama, 1838*) имеет яркие готические черты, цель которых – привлечь внимание к серьёзному ущемлению прав человека в Америке. Продолжающая традиции жанра Гарриет Джейкобс (*Harriet Jacobs, 1813 – 1897*) в мемуарах «Случаи из жизни девушки-рабыни, написанные ей самой» (*Incidents in the Life of a Slave Girl, written by herself, 1861*) ставит женский опыт угнетения на первый план, расширяя культурное пространство для репрезентации разнообразия гендерного опыта. XX в., связанный с Великой депрессией (англ. *Great Depression, 1929 – 1939*), Великой миграцией (англ. *Great Migration, 1916 – 1970*), расизмом и сегрегацией, движением за гражданские права (*The Civil Rights Movement, 1954 – 1968*), Гарлемским ренессансом (англ. *Harlem Renaissance, 1920 – 1935*) и чёрным Чикагским ренессансом (англ. *Black Chicago Renaissance, 1935 – 1950*) порождает необходимый бекграунд для осмысления истории через призму готических конвенций. Таковы готическая модернистская пародия, связанная с опытом рабства и критикой афроамериканского руководства, в романе Дж. Тумера (*Jean Toomer, 1894 – 1967*) «Тростник» (*Cane, 1923*), говорящее название романа о социальном положении афроамериканца в Америке «Человек-невидимка» (*The Invisible Man, 1952*) Р. Эллисона (*Ralph Waldo Ellison, 1914 – 1994*) и др. Готика активно используется в женском творчестве, выступая в качестве инструмента переосмысления подчинённого положения афроамериканок в исторической перспективе. Переживая опыт двойного угнетения, женщины способны взглянуть на определённые паттерны культуры со стороны Другого и осмыслить их недостатки в художественном ключе. Писательницы-лауреаты престижных премий Э. Уокер (*Alice Malsenior Tallulah-Kate Walker, b. 1944*) в рассказе «Ребенок, который предпочитал дочь»

(*The Child Who Favored Daughter*, 1967) и нобелевская лауреатка Т. Моррисон (*Toni Morrison*, 1931 – 2019) в романах «Возлюбленная» (*Beloved*, 1987), и «Самые голубые глаза» (*The Bluest Eye*, 1970), «Песнь Соломона» (*Song of Solomon*, 1977) используют приёмы остранения и вводят в повествование героев-маргиналов, переживающих опыт сексуального насилия, для воссоздания гнетущей атмосферы расовых и гендерных противоречий. Лингвистическим параметром инаковости, проводящим границу между нормой и вариантом, можно обозначить афроамериканский вернакуляр – национально маркированные тексты формируют аутентичную культуру, выстраивают идентичность сообщества. Вернакуляр используется как верификатор валидности нации в творчестве З. Н. Херстон (*Zora Neale Hurston*, 1891 – 1960), а специфические характеристики письма неграмотной афроамериканки Селии из романа Э. Уокер «Цвет пурпурный» (*The Color Purple*, 1985) указывают на историческую травму, полученную афроамериканским населением в результате рабства. Конвенции готики активно используются на разных этапах литературного процесса – в 2012 г. публикуется первое комплексное исследование этой региональной разновидности жанра (*Maisha L. Wester*, 2012) [7].

Специальных изданий, посвящённых изучению готики в белорусской литературе, на данный момент не существует. Однако можно говорить о наличии ряда статей, выделяющих черты исследуемого дискурса на разных этапах развития литературного процесса. Так, исследователь И. А. Бурделёва указывает, что первые оригинальные образцы готической прозы в белорусской литературе появляются на рубеже XVIII – XIX вв. [8], когда белорусские земли входят в состав ВКЛ. Одним из ярких примеров адаптации европейского жанра является творчество А. Мастоўскай-Радзівіл (*Ганна Мастоўская-Радзівіл, около 1762 – 1833*), выдававшей в Вильне в начале XIX в. фантастические повести. Писательница имела возможность непосредственно обращаться к зарубежной литературе, путешествуя по Европе – основными чертами её прозы становятся национальная принадлежность (повесть русская, литовская, жмудская), рамочная композиция, историческое правдоподобие. Я. Барщевский (*Jan Barszczewski*, 1794 – 1851), автор известного цикла повествований «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических повествованиях» (*Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, 1844 – 1846), создает национальный вариант мифа, обращая внимание на взаимосвязь реального и фантастического в жизни человека. Будучи участником литературного процесса Петербурга 30 – 40-х годов XIX в., он синтезирует опыт готической прозы как аутентичной, так и западноевропейской, русской литературы [9]. В XX в., обозначенном острыми социальными и культурными изменениями, войнами и восстаниями, готическая парадигма присутствует в качестве дополнительного элемента в повествовании. Элементы мистики и белорусской мифологии, использование готического хронотопа заметно в повести В. Ластовского (*Вацлаў Юстынавіч Ластоўскі, 1883 – 1938*) «Лабиринты» (*Лабірынты*, 1923). Общественно-политические потрясения XX в. (революции, войны, репрессии, создание СССР и его распад, Чернобыльская катастрофа и др.), изменившие не только территориальное положение Беларуси, но и её культурный ландшафт, являются причиной мультимодального травматического опыта, нуждающегося в осмыслении. Как и в афроамериканской литературе, белорусские писатели в основном заимствуют некоторые элементы готики для создания собственных произведений, обращая внимание на фрагментарность национального нарратива. Главные герои заимствуют черты гротескных Других или являются представителями угнетённых слоёв населения, своим существованием обозначая злободневные проблемы общества. Ориентированная во многом на реалистичное изображение действительности, поднимающая экзистенциальные проблемы существования белорусского народа в тяжёлых условиях, аутентичная литература использует фантастические и мистические элементы, замкнутые хронотопы, апеллирует к национальной истории. Последняя особенно часто предстаёт в качестве загадки, которую необходимо разрешить. Важным топосом, сближающим белорусские и южноафриканские готические модификации, можно назвать болото – если в первой оно становится маркером исторического состояния нации, которая поглощает людей без остатка, разрушает семьи, то в последней оно отображает упадок рабовладельческой риторики, замалчивание периферийного опыта. Черты готики в белорусской литературе тесно соприкасаются с историзмом нарратива, становятся органичным дополнением детективного сюжета. Например,

В. С. Короткевич (*Уладзімір Сямёнавіч Караткевіч, 1930 – 1984*) в «Дикой охоте короля Стаха» (*Дзікае паляванне караля Стаха, 1964*) использует инструменты создания и рассеивания готической интриги (самостоятельный женский персонаж, логическое объяснение сверхъестественного, использование фольклорных мотивов, традиционного хронотопа, колоритного пейзажа, «готического» преследования и др.), созданные А. Р. Литературный критик М. М. Веселуха отмечает следующее: «*И до сих пор в нашей литературе не существует произведения, которое можно смело назвать “готическим романом” со всеми атрибутами ужасов, с сильным люциферинским началом*» [10, с. 316].

Исследовательница подтверждает наличие готики в современной прозе и поэзии : первая тесно связана с фольклором и представлена рассказом «Кровавый привкус» (*Крывавы прысмак, 2006*) А. Козлова (*Анатоль Сяргеявіч Казлоў, 1962 –*) (наличие черт готической эстетики в рассказе «И тогда я умер...» (*І тады я памёр..., 1993*) выделяют и другие литературоведы [11]), работает с историей (роман Л. И. Рублевской (*Людміла Іванаўна Рублеўская, 1965 –*) «Пляски смерти» (*Скокі смерці, 2011*)), вторая – с творчеством Якова Ясепкина (*Якаў Ясэпкін, ?*). Готические реминисценции прослеживаются в творчестве Н. И. Костюкевича (*Мікола Касцюкевіч, 1967 –*) [12], Ю. Н. Лаврика (*Юрый Мікалаевіч Лаўрык, 1966 –*). Необходимо отметить, что у Л. И. Рублевской, продолжающей традиции В. С. Короткевича и исследующей национальную историю и способы формирования исторического мифа, готические черты присутствуют и в других произведениях («Жених пани Дануси» (*Жаніх панны Данусі, 2003*), «Ночи на Плыбанских Мельницах» (*Ночы на Плябанскіх Млынах, 2006*)). Сопряжение мистического, мифологического и реального отмечается в романе В. Гапеева «Проклятие» (*Праклён, 2013*).

Таким образом, реализация тропов готики в литературных процессах определяется через необходимость исследования национальных традиций и стереотипов, поисков способов их реконструкции. Исторический контекст невольничьих повествований транслируют готические мотивы бессознательно, тогда как ранние образцы белорусской литературы, где можно найти яркие характеристики исследуемой художественной парадигмы, целенаправленно ориентируются на зарубежные традиции. Различный характер травматического опыта определяет степень использования готических конвенций – в афроамериканской литературе последние используются чаще, чем в белорусской. Наличие черт исследуемого культурного феномена в разных литературных процессах подтверждают тот факт, что готика апеллирует к универсальным элементам национального нарратива, разрабатывая его специфику и раскрывая новые грани, и человеческим эмоциям, спрягая страх и удовольствие.

Список использованной литературы

1. Заломкина, Г. В. Готический миф как литературный феномен : автореф. дис. ... док. фил. наук : 10.01.08 / Г. В. Заломкина ; Сам. гос. ун-т. – Самара, 2011. – 43 с.
2. Нацпок, Б. Р. Традиция литературной «готики» : генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика: на материале английской литературы : автореф. дис. ... док. фил. наук : 10.01.08 / Б. Р. Нацпок ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2016. – 56 с.
3. Mulvey-Roberts, M. The Handbook of the Gothic / ed. by M. Mulvey-Roberts. – NYU Press, 2009. – 378 p.
4. Martin, Robert K. American Gothic : New Interventions in a National Narrative / Robert K. Martin, E. Savoy. – University Of Iowa Press, 2009. – 278 p.
5. Комаровская, Т. Е. Падабенства жанравых форм амерыканскага і беларускага гістарычнага рамана XX стагоддзя / Т. Е. Комаровская // Estetyczne modele literatury rosyjskiej. Estetyka i światopogląd. – Białystok : Wydawnictwo PRYMAT, 2018. – С. 119 – 129.
6. Wright, R. Native Son / R. Wright. – N. Y. : Jonathan Cape, 1970. – 432 p.
7. Wester, Maisha L. African American Gothic : Screams from Shadowed Places. – Palgrave Macmillan, 2012. – 292 p.

8. Бурдзялёва, І. А. Традыцыі гатычнага рамана ў творчасці Г. Мастоўскай і Я. Баршчэўскага / І. А. Бурдзялёва // Вестник МГЛУ. Серия I, Филология. – 2009. – № 1. – С. 176 – 184.
9. Кандакоў, Д. А. Творчасць Яна Баршчэўскага і французская гатычная проза : пастаноўка праблемы / Д. А. Кандакоў // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 126 – 131.
10. Весялуха, М. М. Вобраз саганы ў беларускай літаратуры XXI ст. : да пастаноўкі пытання / М. М. Весялуха // Дзеяслоў. – № 45. – 2010. – С. 315 – 318.
11. Тарасова, Е. В. Готическая эстетика в рассказе Анатолия Козлова «І тады я памёр...» / Е. В. Тарасова // Białorutenistyka Białostocka : rocz. nauk.-teoretyczny, poświęcony badaniom nad lit., jęz., historią i kulturą białorus. / Uniwersytet w Białymstoku ; red. naczelny: H. Twaranowicz. – Białystok, 2020. – Т. 12. – С. 249 – 258.
12. Казлоўскі, Р. К. Готыка ў творчасці Міколы Касцюкевіча (на прыкладзе апавядання «Лялька») / Р. К. Казлоўскі // На Нёманскай хвалі : Літаратурны альманах. – 2014. – № 4. – С. 177 – 182.

В. А. Богатырева,

аспірант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ М. БОГДАНОВИЧА И Р. М. РИЛЬКЕ)

***Аннотация.** В статье проанализированы типологические схождения в развитии белорусской и австрийской литератур в эпоху рубежа XIX–XX вв. на примере поэзии М. Богдановича и Р. М. Рильке. Показано, что в конце XIX века разные страны, имеющие разный культурно-исторический опыт, переживают «синдром конца века». Такое явление способствует сравнительному анализу культур и литератур. Доказано, что специфическая культурная парадигма, сложившаяся в конце XIX – начале XX века, обусловила ряд типологических схождений в лирике М. Богдановича и Р. М. Рильке. Общие для эпохи *fin de siècle* мотивы (обращение к Библии, меланхолия, страх перед будущим) нашли свое отражение в их творчестве.*

***Ключевые слова:** эпоха рубежа XIX–XX вв.; синдром *fin de siècle*; лирическая поэзия; М. Богданович; Р. М. Рильке; типологические схождения.*

V. A. Bahatyrova,

Postgraduate Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

TYPOLOGICAL CONVERGENCES IN THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN AND AUSTRIAN LITERATURE AT THE TURN OF THE XIX–XXTH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE POETRY OF M. BOGDANOVICH AND R. M. RILKE)

***Abstract.** The article is dedicated to the analyze of general typological convergences in the development of Belarusian and Austrian literatures at the turn of the XIX–XXth centuries on the example of the poetry of M. Bogdanovich and R. M. Rilke. Different countries with different cultural and historical background were experienced the «*fin de siècle syndrome*» at the end of the XIXth century. This phenomenon facilitates a comparative analysis of cultures and literatures. It is demonstrated, that a specific cultural paradigm, formed in the late XIXth and early XXth century, determined a number of typological similarities in the lyrics of M. Bogdanovich and R. M. Rilke. Common motives of «*fin de siècle era*» (references to the Bible, melancholy, fear of the future) are reflected in their poetry.*

***Keywords:** turn of the centuries' era; *fin de siècle syndrome*; lyrical poetry; M. Bogdanovich; R. M. Rilke; typological convergences.*